

АБСОЛЮТНОЕ

О Р У Ж И Е

НИК ОДИНЦОВ

МУСТАЖЕРЫ

МОСКВА
2 0 1 7

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-42

Разработка серии *А. Саукова*

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Одинцов, Ник.

О-42 Мустанкеры / Ник Одинцов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Абсолютное оружие).

ISBN 978-5-04-004519-8

Последняя война унесла много жизней. Однако человечество не исчезло. Из руин поднимается новая цивилизация. Главным развлечением выживших становятся поединки боевых машин. Тихон Дежнев и его друзья — чемпионы танковых турниров. Обстоятельства заставляют Дежнева отправиться в пустынные земли на юго-востоке. Здесь, на краю обжитых земель, их называют «мустанкеры». Тихону предстоит открыть тайну своего прошлого и понять, какую роль в его жизни играет недоступный орбитальный город Ариэль...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-004519-8

© Одинцов Н., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Кто управляет прошлым, тот управляет будущим.

Джордж Оруэлл

... Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами. А вне — псы и чародеи, и любодееи, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду.

Откровение Иоанна Богослова.
Апокалипсис, ст. 14;15

ПРОЛОГ

Орбита Земли

Ариэль

На каменистой равнине цвета старого кирпича раскинулась блестящая сеть. В перекрестье серебристых нитей застыли слюдяные озера. Из них взошли стройные белые башни, верхушки которых напоминали нераскрывшиеся бутоны лилий. Сеть охватывала плато и город на нем.

На возвышении поблескивали купола жилых кварталов. От тонких насестов-мачт стартовали букашки летательных аппаратов.

— Вот здесь, обратите, пожалуйста, внимание... — Докладчик, изящный брюнет в облегающем серебристом костюме, потянул на себя вогнутую поверхность экрана, а затем плавно развел руки в стороны, точно собирался начать некий причудливый танец. Изображение послушно раздалось, охватывая зал и сидящих в лектории людей. Теперь кресла стояли прямо на красной равнине, а там, где застыл лектор, поднималась из озера башня-лилия. Вблизи она не казалась тонкой и крохотной. У парапета широкого бассейна суетились муравьишки. Люди в

промышленных каргоскафах, машины, груженные стройматериалами. Сеть на поверку оказалась толстенными пучками проводов, натянутых между башнями.

Воздух над бутоном башни-лилии вихрился и плыл, плюясь электрическими разрядами.

— Да-да, совершенно верно, коллеги. Перед вами злополучный Узел-14561 площадного терраформера «Сирокко», — докладчик откашлялся, — последние мгновения перед катастрофой. Эти данные пока не обнародованы, поэтому все устройства в зале будут заблокированы. Приношу извинения за неудобства. Теперь следите внимательно, через секунду заработают насосы.

На равнине люди и машины освобождали периметр вокруг бассейна с башней. Вдоль стебля гигантского цветка побежали предупреждающие огни. Земля дрогнула, и на глади пруда зародились один за другим три водоворота. Могучий стебель завибрировал и исторг высокий столб белесого пара.

— Четвертый насос! — объявил докладчик.

Образовалась четвертая воронка и закончила симметрию водоворотов вокруг башни.

— Главная центрифуга!

Вода у подножия башни вскипела. Столб белого пара поднялся еще выше. Можно было видеть, как вокруг него быстро формируется огромное облако.

Внезапно что-то в работе машины изменилось, напор снизился, и от бассейна в разные стороны рванулись змеи черных трещин. Башня покачнулась, водовороты вскипели, взорвались, выплевывая блестящие от влаги дымящиеся обломки механизмов. Обломки гигантских воротов смертельным дождем обрушились на бегущих прочь людей.

Избавляя зрителей от неприятных подробностей, камера поднялась над аварией. Стали видны масштабы катастрофы. Там, где минуту назад простиралась равнина и покоилась блестящая сеть терраформера, тянулись и ширились черные провалы, скалились острыми краями чудовищные разломы. Кое-где ячейки держались, но большая часть построек была разрушена. Над пустыней истончались и таяли величественные кучевые облака.

— В результате аварии под угрозу была поставлена вторая очередь освоения марсианской равнины. Ущерб составил более двухсот миллиардов энерго. Погибли шестьсот восемьдесят пять человек. Некоторые генетические линии утрачены навсегда: техники и операторы с безупречной репутацией, специалисты высокого класса. Потери, которые мы не можем себе позволить, — продолжил докладчик.

— А что с мальчиком? Что с Костей Лосевым? — послышался обеспокоенный женский голос.

— Костя Лосев, первый человек, родившийся на Марсе, — вне опасности. Однако из-за перебоев, возникших в работе автоматического акушера, его мать, Алия, погибла. — Докладчик грустно покачал головой. — Мальчика взял под опеку Лунный Университет.

— Я слышал, у него проблемы с мозговой активностью? Говорят, он неадаптабелен, — заметил пожилой человек в плотном красном комбинезоне.

— Да, верно. Недостаток воздуха, по причине которого погибла Алия, повлиял на мозг ребенка. Вот к чему мы пришли: генетически безупречный человек не может стать полноценным членом общества!

Докладчик выдержал долгую паузу и продолжил:

— Однако давайте же спросим себя, почему это произошло?

— Институт геологии не может нести ответственность за эту трагедию, — сказал, поднявшись с места, нервный худой мужчина с черной окладистой бородой. — Мы представили комиссии данные отчетов. Все необходимые исследования были проведены в полном объеме. Ничего подобного не должно было случиться.

— И тем не менее случилось. Как вы объясните это, доктор Машин?

— Я уже говорил, — ответил мужчина и дернул щекой, — мы столкнулись с новым явлением. Мы еще плохо знаем Марс. Чтобы понять земную геологию, понадобились века исследований. Века, черт побери!

— То есть вы не исключаете подобных ситуаций в будущем?

— Разумеется, не исключаю. Поймите, мы идем через неизвестное, где каждый шаг может оказаться последним.

— Каждый шаг может стать последним, — повторил человек в серебристом костюме, обвел взглядом зал и вновь обратился к ученому: — Не беспокойтесь, комиссия исследовала ваш отчет и не имеет претензий.

В зале зашумели, и оратор поднял руку, призывая к тишине.

— Однако слова доктора Машин подводят нас к неприятному, но, увы, неизбежному вопросу. Достанет ли у нас в будущем сил, чтобы парить, не опираясь на Землю? Каждая авария, каждая смерть — это губительные траты ресурсов. Пришло время оглянуться и подумать, так ли хороши были

принятые в прошлом решения. Возможно, стоит более пристально взглянуть на оставленный некогда дом? Иначе весь Ариэль, лишенный поддержки прародины, рискует разделить судьбу несчастного Кости Лосева!

— Вы оспариваете мудрость принятых решений? — уточнил высокий старик с буйной седой шевелюрой и пышными усами, поднимаясь из кресла. Даже равнодушный наблюдатель ощутил бы ауру силы и власти, окружающую седого великана. — Вы молоды, Дюлак. Вот в чем беда. Вы не видели, из какой темноты нам пришлось подниматься. Не видели, каких усилий стоило отделить деградантные линии от перспективных. Это была битва! Настоящее сражение за будущее! А теперь вы предлагаете нам снова окунуться в грязь? Этого не будет!

— Но мои генетики утверждают, что из оставленного материала зародились новые линии. И они чисты. Ваша собственная доктрина подтверждает это, Арсений Велинович. Кроме того, я не говорю о возвращении, но лишь о более плотном взаимодействии. Подумайте, какие выгоды сулит источник восполняемых ресурсов, — осторожно возразил докладчик.

Седой долго жег оппонента взглядом, потом неохотно кивнул.

— Бог с вами, Анри! Ведите свою игру. Я не могу этого запретить. Но вам придется довольствоваться только собственными силами. Совет не выделит ни одного энерго на эти прожекты, пока вы не представите реальных результатов. А вы, доктор, исследуйте феномен марсианских провалов. Чем быстрее, тем лучше, — дытожил седой и вышел на середину зала, отеснив Дюлака.

Нетерпеливым и резким жестом он выключил экран.

— Человеческая эволюция всегда была связана с борьбой. Вселенная бросает нам вызов, и мы ответим так, что она содрогнется! — прогремел глубокий и грозный голос Арсения. — Преображение Марса состоится во что бы то ни стало!

Когда лекторий опустел, к Дюлаку подошла высокая загорелая женщина в строгом деловом костюме. Все в ее облике казалось аккуратным и упорядоченно, кроме прически. Волосы пышной каштановой гривой спадали на плечи, перехваченные на лбу тонким серебряным обручем.

— Почему вы улыбаетесь, Анри? Совет не ратифицирует ваш проект. Финансирования не будет.

— А! Ерунда! — Дюлак подскочил к женщине и закружил ее в танце. — Это победа, ма шерри! Победа! Старый конкистадор не понимает и не принимает этого. Он настоящий воин. Он нужен здесь. На передовой. Вы его слышали? Вселенная содрогнется! Каково? На месте вселенной я бы задумался. А вот другие... Среди них дети торговцев. Они не упустят выгод, которые даст восстановление старых связей. Сегодня зерна упали в благодатную почву.

— А как насчет погружения в грязь и темноту? — Женщина аккуратно высвободилась из объятий Дюлака. Видно было, что внимание ей приятно, но в данный момент нежелательно.

— Я не боюсь темноты, ма шерри, и грязи тоже. Мои предки сделали состояние на разведении свиней. Вот где была грязь! — улыбнулся брюнет. — А что с продолжением вашей линии? Вы с мужем прошли тест Крейцера?

— Нет. — Женщина потупилась. — Николай считает, что значимость доктрины Крейцера... сильно преувеличена.

— Вот как? — протянул француз, и его брови удивленно поползли вверх. — Нужно было вашему супругу сегодня выступить. Вместе мы бы раздавили председателя.

— Муж сейчас на Луне. Стажировка... — вздохнула женщина.

— А! Значит, вы свободны этим вечером. Как насчет того, чтобы отметить нашу маленькую победу?

— Вы так уверены, что победили, — проговорила собеседница и в сомнении покачала головой.

— Я не уверен, ма шерри, — провозгласил Дюлак и провел ладонью по глазам. — Я чувствую!

Москва

Тихон Дежнев

Предчувствие. Это как заглянуть в конец книги и против воли узнать финал. Неправильное, тревожное ощущение. Тихону Дежневу, восходящей звезде Красных танковых боев, была знакома эта тревога. Иногда она спасала от поражения в поединке, иногда накатывала мутной волной и уходила без следа. Но сегодня у предчувствия было направление: оно толкало его домой! Скорее домой!

Тихон, словно в тумане, вышел из дверей танкобара на Сретенке, оттеснил возмущенных людей на остановке и вскочил в отбывающую капсулу струника. Серебряные нити-струны и система постоянно курсирующих пассажирских капсул заменили большую часть общественного транспорта в послевоен-

ной Москве. Смысла восстанавливать всю уличную сеть не было: слишком много еще не разобранных завалов, воронок от снарядов и бомб. В некоторые кварталы и заходить-то страшно. Что там обитает, в заросших бурьяном и папоротником опустевших дворах, — одному богу известно. Куда проще проскочить над опасными местами в уютной капсуле и выйти в спокойном районе.

Тихон рассеянно следил, как плавно проплывают под ним кварталы старой Москвы. Вот показалась Лубянка, затем Тверская, яркая зелень лип над Бульварным кольцом и уродливый кратер на месте здания ТАСС.

Капсула сместилась вправо, прошла над Большой Никитской и устремилась к Новоарбатским высоткам-книжкам. Их осталось всего две: в одну врезался боевой самолет, две другие не пережили бомбежек. А вот и старый Арбат!

Тихон вышел из лифта и сразу попал в вечное арбатское многолюдье. «Поэмы из самого сердца!» — возвещал нахальный стихомант с рыжей бородой. Из его груди брызгала фальшивая кровь, на лету превращаясь в бабочек и бутоны роз. «Гадание по старым книгам!» — несло справа. «Разоблачение лживых предсказаний! Недорого!» — кричали слева. «Принимаю ставки на одиночные бои КТБ! Шалый против Громилы! Кому достанется победа?»

— Купи цветок во имя пророка нашего святого Монтана. Всего пол-энерго. Найдешь, что ищешь.

Тихон посмотрел вниз. Полненькая карлица с табуировкой Церкви Новых Монтанистов протягивала поднос, полный ярких бутонов клон-роз.

Технология аватаров давала и такие невинные отростки. Цветы, животные, насекомые, купленные

за небольшие деньги, радовали глаз от часа до суток, а потом растворялись, оставляя аромат духов или пару аккордов из популярной песни.

Тихон заплатил, взял цветов и поспешно свернул в переулок. За его спиной кто-то крикнул: «Желтуха!», и тут же послышались шорох и характерное щелканье: это Арбат расцвел зонтами.

Тихон глянул на небо. Желтые дожди шли все реже, раза два в месяц, не больше, но в воздухе было еще много едкой пыли. Попадание капель на открытую кожу не смертельно, вон деревья и те как-то приспособились, но зуд и волдыри вполне можно заработать.

В дворовом арбатском детстве Дежнев с друзьями-сорванцами на спор выходил под желтуху, а потом прикидывался больным и пропускал занятия в школе. Отец переживал, укладывал его в постель. Давал дефицитные лекарства, поил чаем с баснословно дорогим земляничным вареньем. Как-то раз даже позвонил матери в орбитальный город.

Ольга Аркадьевна редко появлялась дома. Всегда казалась недоступной, слишком совершенной для холодного и грязного мира. Отец относился к ней с благоговением, а Тихон — равнодушно. Особой печали от того, что мама далеко, он не испытывал. Только легкую досаду, как в магазине, когда не можешь купить слишком дорогую игрушку.

Дежнев набросил капюшон, нацепил очки-визоры. Вещица эта была винтажная, довоенная. Старый сервер, встроенный в очки, выдавал прежние названия улиц, магазинов и кафе, которых давным-давно не было, и от этого казалось, что идешь по допотопной беззаботной Москве XXI века.